

ГЛАВА 7

Концепт «глобализация науки» как предмет и инструмент социологического исследования

После примерно десятилетия разработки термина «глобализация» в социологической теории возникло устойчивое выражение «глобализация науки» в отношении современного этапа развития социального института науки. Хотя социология науки как дисциплинарная область, «ответственная» за изучение науки не рассматривала процесс глобализации науки, как специальную тему, тем не менее, достаточно быстро «глобальная наука» или «глобализация науки» стали распространенными описаниями реальности для особого типа статей и книг, в которых анализируются показатели развития науки и технологий в мире и в России. Процессы, которые ранее называли интернационализацией науки, международным научным сотрудничеством и академической мобильностью, были переосмыслены как составляющие более значительного состояния общественной системы – феномена глобализации. Парадокс в том, что те, кто используют этот термин применительно к институту науки, берут его как готовый, хотя те, кто занимается глобализацией как феноменом, не используют институт науки в качестве предмета рассмотрения, прибегая к другим, более наглядным примерам.

1. Дихотомия интернациональный – национальный в науке

С момента своего зарождения – с Нового времени – наука была глобальной: ей атрибутировались те самые качества, которые сегодня считаются признаками и определениями глобализации. И не случайно, что еще Ф. Бэкон в «Новой Атлантиде» описал приплывших на остров Бенсалема людей такими восхищенными от увиденного, не испытывающими ни чувства национальной зависти, ни сомнения в «чужих» истинах. Разве не были они «глобально» ориентированными, признавая за достижениями то, что само за себя свидетельствует как научная истина и не опирается на авторитет иных социальных институтов? Здесь, как и во многих иных случаях, слово «глобальный» нуждается в прояснении. Как считает Уотерс, глобализация – это «процесс, в котором географические ограничения, налагаемые на социальные и культурные установления, отступают, и в ходе которого люди

все более осознают, что эти ограничения отступают» (цит. по: 2, с. 11).

Когда А.П. Чехов сказал, что «национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения», он не знал, что появится, например, фашистская наука, которая будет национальна до крайности. И появятся такие области науки – такие «таблицы умножения», в которых в большей степени, чем в математике, будут придуманы ложные альтернативы, оправдывающие надежды со стороны разных источников политической власти, в том числе государства, церкви, органов безопасности. Но и в такие периоды институт науки будет способен преодолевать внешние деформации, возвращаться к идеалу. В 1937 г. в докладе «Наука и социальный порядок» Роберт Мертон проведет анализ этого положения дел и подойдет к формулировке норм научного этоса. Ссылаясь на работу Леви (Levy H. *The Universe of Science*, 1933) Мертон напишет, что научные истины «неизменны вне зависимости от индивида или группы» [4, с. 757]. В 1942 году в работе «Наука и демократическая социальная структура» Мертон выскажет мысль, что установление истин в науке не зависит «от личностных или социальных атрибутов их защитника; его раса, национальность, религия, класс и личные качества сами по себе нерелевантны» [4, с. 771]. Универсализм как норма этоса означает, что для получения и оценки научного знания, задействуются заранее установленные и внеличностные критерии: нормы эмпирического поиска и логического обоснования.

Идея национальной науки возникла примерно в то же время, что и теория национализма, – в XIX в. Среди философов науки ее высказывал П. Дюгем. Идея не в отказе от принципа научного универсализма, а в некоторой уступке личностным пристрастиям ученого. Ведь если беконовским образцом научной организации был монашеский орден, то модель сборки XIX в. учитывала, во-первых, конкуренцию между сконструированными к тому времени образами «национальных» наук, а во-вторых, – искусственно поддерживаемые национальные чувства в Европе.

Тогда Пастер выразился так: «У ученого есть родина, у науки ее нет» [4, с. 773]. А совсем недавно, 2 ноября 2007 г., выступая на Первом съезде ученых, Президент Беларуси сказал: «Каждый наш ученый должен быть не только высококлассным специалистом, но и образцом для подражания, подлинным патриотом своей Родины» [7]. В официальных комментариях по поводу этой цели было добавлено: «Президент Беларуси во время общения с научной элитой страны заявил, что республика намерена активи-

зировать сотрудничество с зарубежными учеными, в частности в области исследований и освоения космоса» [6].

Г.С. Батыгин сказал в одном из интервью, что наука как форма знания может существовать только в глобальном контексте. Самобытная наука, даже честная, вырождается в шарлатанство.

2. Дискурс «глобализации науки» в экономике знания

В множестве определений глобализации выделяется особый тип употреблений выражения «глобализация науки» в статьях и монографиях, изданных при международных или национальных органах управления наукой: министерских и международных органах статистики науки, ЮНЕСКО, Всемирном банке, ОБСЕ. Авторы их как правило, – приглашенные эксперты по развитию и финансированию науки, руководители проектов. Они проводят анализ динамики показателей научного производства и интерпретируют его через призму концепции глобализации. И это естественно, поскольку все они рассматривают институт науки через призму экономики знания и экономикой же знания оборачивается всякое их знакомство с современным состоянием науки. Глобализация для них – это трансконтинентальный экономический обмен: «Под глобализацией в экономической науке обычно понимают свободное движение между странами товаров и факторов производства (труда, капитала и знаний). Это стало возможным в результате международного разделения труда и кооперации, снижения импортных тарифов, транспортных затрат, развития телекоммуникаций, совершенствования технологий финансовых операций, общего роста мирового производства и др.» [5].

В 2003 г. авторами из Стенфордского университета был издан сборник «Наука в современной мировой политике: институционализация и глобализация», суммирующий 10-летие их работы в области глобалистики. В книге дается достаточно обширная картина изменений в современной науке, многократно подтверждается тезис о нарастающей глобализации. Но кое-что вызывает неудовлетворение при чтении этой книги. С одной стороны, авторы утверждают, что «они сфокусировались на том, как наука возникла, расширялась и достигла триумфа в качестве всемирного института (world institution)» [9, p. 293]. И, кажется, что речь должна идти об истории науки: о том, как с Запада во все стороны Света распространялась определенная институциональная форма организации знания, как наука завоевывала новые и отвоевывала

некогда потерянные пространства – «домены социальной жизни». Но, с другой стороны, все приводимые свидетельства в книге обращены не к внутренней истории науки, и даже не к уместной здесь теории институционального изоморфизма, а к внешним индикаторам процесса глобализации – процесса образования глобальной науки. По мнению авторов, современные национальные государства формируют такую политику в области науки и технологий, которая ведет к увеличению численности национальных и международных научных организаций, увеличению расходов на науку, большей интеграции в области высшего образования, большому сотрудничеству и обмену. При этом национальные государства делают это потому, что процесс глобализации как бы вынуждает их так поступать, не позволяя никакому государству остановить рост своей науки или изолировать свою науку от окружающего мира.

Согласно этому исследованию, глобализация науки, или «всемирная институционализация» науки [9, р. 5] имеет два проявления:

1) научная деятельность распространяется по всему миру и по всем основным «доменам социальной жизни». Наука развивается как в богатых, так и в бедных странах; как в доменах, где наука демонстрирует свою крайнюю полезность, так и там, где соображения полезности отстают.

2) рождается «всемирное социальное определение того, что такое научное знание» [Там же], так как оно становится наиболее авторитетным. Поэтому невозможно более устанавливать независимые, самобытные определения того, что такое наука или что такое научное знание.

Эмпирическое сопровождение этих выводов основывается на анализе статистики расходов на науку, численности научных организаций и качественных характеристик проводимых научных политик. Данные свидетельствуют, что с организационной точки зрения на планете существует как минимум четыре модели производства научного знания: 1) модель продвинутого Запада, 2) модель инженерно-ориентированной Азии, 3) строго иерархичная модель постсоветских стран и 4) модель догоняющей науки слаборазвитых стран.

Таким образом, интенсивный обмен и сотрудничество, а также солидарность стран и правительств в стремлении помочь развитию наук и технологий, не ведет к унификации ни научных идеологий, ни структур управления наукой. А всему причина, видимо, в различиях социальной структуры этих обществ, о чем давно написал Р. Мертон [4].

Есть два возможных объяснения двойственности полученных данных.

Первое объяснение обычно используется в работах, задача которых – обнаружить глобализацию. Тогда говорят, что глобализация науки есть на самом деле глокализация, т.е. интеграция в рамках своего кластера, процесс создания полей высокой однородности. И тогда глобально науки нет, а есть зоны сгруппированных близких форм организации, увеличение обмена между которыми может и должно привести к состоянию глобальной науки, впрочем, в далеком будущем.

Второе и наиболее предпочтительное, на наш взгляд, объяснение состоит в том, что авторы, которые видят решающий аргумент во внешней поддержке науки, придерживаются довольно искаженной версии истории возникновения и развития науки Нового времени. Базовым допущением всех исследований, где калькулируются затраты на науку, а тем более исследования, в которых предпринимается попытка подсчитать «доходы» от науки, является идея инвестиционного характера научного предприятия. Эта версия истории науки Б. Бернала и, в сущности, марксистская теория «принадлежности» знания. Если не вдаваться во все детали, почему эту версию истории науки не принимают современные науковеды, то остается только заметить, что попытки объяснить развитие научных областей или совершенных великих открытий с точки зрения общественных потребностей, реализуемых групповых интересов или «отрабатывающих» вложенные средства, как видно на фактическом материале из истории науки, несостоятельны.

Следовательно, ожидать, что коренные изменения в социальной структуре науки как профессии станут результатом направленной научной политики или чьих-то потребностей или ожиданий, кроме самих ученых, значит стоять на позиции крайнего экстернализма¹, игнорирующего значимую сферу – сферу нормативно-ролевых ожиданий и подкрепляющих их ценностных императивов. Между прочим, именно в этом заключается отличие социологического от экономического понимания феномена глобализации. В то время как экономисты полагают, что инвестиции в науку приведут к ее глобализации, социологи учитывают разницу между социальными последствиями обмена материальными (отчуждаемыми) и нематериальными (общественными) благами.

На микропримере это демонстрируют научные стажировки: совершаемый обмен приводит к укреплению и расширению со-

¹ Позиция экстернализма в социологии науки состоит в предпочтении внешних социальных факторов перед факторами внутренней истории идей.

циальных связей, что в свою очередь может обусловить изменение самоидентификации ученого, так как в этом случае рождается сетевая модель науки, не знающая границ, происходит унификация деятельности (словаря, методов, подходов). Однако даже теоретически у нас нет оснований ожидать, что это может прямо повлиять на развитие той или иной научной идеи, научного направления или способствовать открытию. Связь между социальным обменом и его эпистемологическим и последствиями как минимум не доказана и не является линейной зависимостью.

Таким образом, подход стенфордских исследователей фиксирует результат амбивалентности мотивации ученого, логично предполагаемой в рамках мертоновской программы социологии науки. Конкретно, рассматриваются мотивы, призывающие к академической мобильности – контактам и обменам. Стремиться добывать такое знание, которое получит высокую оценку коллег, но при этом работать, не обращая внимания на оценки других. Или, иными словами, стремиться подражать, но не быть похожим на других; создавать универсалистское знание, но обладающее оригинальностью, прибавляющее наше знание о мире.

Так что не все так просто с влиянием внешних ресурсов на характер и успех науки. Справедливости ради надо сказать, большой объясняющей силой обладает и экстерналистский (марксистский) подход, но лишь в тех случаях, когда речь идет об объяснении не научного прогресса, а научного регресса, общественной формы бытования псевдо или лженауки, поддерживаемой и расширяемой сферы невежества.

Квазиэкономический подход содержит базовую предпосылку о безусловном влиянии социального, политического и экономического окружения на развитие института науки. В рамках дискурса экономики знания институт науки рассматривается как «черный ящик», который призван создать «глобальные общественные блага» (8, р. 122). Тогда описываемая глобализация науки есть не что иное как организационные последствия институционального изоморфизма. Аргумент против этого состоит в том, что наука не есть рынок, поскольку универсализм был и остается ее имманентной чертой, а рынок только сегодня встречает такой рост экономического обмена, который называет глобализацией. Представлять же события Нового времени как процесс глобализации было бы анахронизмом.

3. В поисках «глобальной» науки

Авторы ежегодного аналитического издания национального научного фонда США по итогам состояния науки, образования и технологической сферы в США и в мире в последнем 2006 г. начинают с верного наблюдения: «Наука – это глобальное предприятие. Общие законы природы пересекают политические границы, и международное движение людей и знания сделало науку глобальной задолго до того, как «глобализация» стала названием для возрастающих взаимосвязей между мировыми экономиками» [12, Vol. 1, p. 170].

Прежде всего авторы отмечают интенсификацию производства научной информации. С 1988 по 2003 г. по данным SEInd, количество публикаций в научных журналах, включенных в базы Science Citation Index и Social Sciences Citation Index [Ibid, p. 253], удвоилось. Существенно возросли показатели распространения знания: увеличились объемы подписки институтов и организаций из развивающихся стран на периодические журналы и электронные архивы. Для измерения степени глобализации науки и в данном источнике, и по аналогии в некоторых других получают несколькими индикаторами. Можно ли считать их эталонами?

1. *Увеличение распространенности соавторства, где хотя бы один соавтор – иностранец.* Если в 1988 г. процент статей, где хотя бы один из соавторов был иностранцем, составлял 8% от общего числа статей, написанных в соавторстве, то в 2003 г. он уже достиг 20%, что, по мнению авторов SEInd, однозначно является «индикатором международного сотрудничества и глобализации науки» (12. Vol. 1, p. 253). Соавторство преодолевает национальные, секторные и институциональные границы, «свидетельствуя о большей глобализации и взаимозависимости в научном сообществе» (Ibid., p. 288). Действительно, если каждая пятая статья в американском журнале за 2003 г. написана при международном участии, то это можно считать эмпирическим свидетельством экстерриториальности науки, ее способности не принимать во внимание национальные границы. Аргумент против – вынужденная особенность, связанная с современной ситуацией с разделением труда. В высокотехнологизированной науке «большие открытия» не могут более быть делом единичных гениальных персон. Для достижения успеха при массовом и конкурентном производстве научного знания кооперация необходима и разумна. Таким образом, в этом виде соавторства есть простой расчет и нет признаков строительства какого-то «невидимого колледжа» единомышленников. По крайней мере нет оснований так полагать.

2. *Рост интенсивности «международного» цитирования.* Здесь имеются в виде признаки большего взаимного внимания к научным достижениям и практикам других исследовательских групп. За период с 1992 по 2003 г. количество кросс-национального цитирования выросло с 42 до 48%, что является еще одним «знаком возрастания глобализации науки» (12, р. 293). Этому вопросу посвящено много статей в области наукометрики (scientometrics). Так, Лейдесдорф и Вагнер [16], анализируя массивы публикаций для 2005 г., приходят к выводу о существовании устойчивой группы (сети) взаимного цитирования. Что ж, здесь тоже нет большой новости, поскольку еще основателями метода индекс-цитирования Гарфилдом и Прайсом были вскрыты закономерности «кластерного цитирования». Границы кластера обычно интерпретировались как границы исследовательского сообщества, того самого «невидимого колледжа». Если иметь в виду, что они никогда и не были связаны с национальными границами, то остается просто констатировать расширение горизонтов современного ученого за счет улучшения доступа к публикациям и данным в своей области.

3. *Рост числа статей о глобализации.* Одним из доказательств существования глобализации многие считают наличие самой этой области: предполагается, что ученые, изучающие глобализацию, сами глобализируются. На массивах публикаций, что были использованы выше (п. 1) и (п. 2) можно посмотреть, в каких контекстах и каких научных областях чаще всего используется слово «глобализация» в названии. Тема глобальной науки касается преимущественно двух областей – глобального климата (в контексте глобального потепления) и глобальной политической науки (в контексте политической интеграции).

4. *Академическая мобильность в науке и высшем образовании.* Чуть позже мы отдельно рассмотрим вопрос о влиянии академической мобильности на изменение в установках и нормативных ожиданиях ученых как признаках наступающей глобализации. И сделаем это на примере России, чтобы дать оценку этому индикатору.

5. *Рост числа стран, где есть национальные организации по вопросам научной политики, международные научные объединения.* Идея о связи между проводимой государствами научной политикой и состоянием наук в целом относится к области экономики знания и уже была рассмотрена критически. Как факт следует рассматривать постоянное увеличение организаций, не производящих научное знание, а управляющих этим процессом, изучающих этот процесс и прогнозирующих рост. Именно функционирование таких организаций ведет к росту числа статей о глобализации (п. 3).

Томас Скотт из Университета Питсбурга предложил свои критерии, по которым можно судить о степени глобализации науки. Для него ключевым является процесс совместного участия, в чем можно усмотреть влияние социологии научного знания, для которой научное производство представляется конструированием через коммуникацию и практику. Итак, для Скотта существует четыре критерия глобализации:

- 1) пропорция национального участия;
- 2) дисперсия (или наоборот) концентрация производства знания;
- 3) объем диффузии знания;
- 4) объем социальных связей между учеными.

По первому критерию мы видим сегодня самый пик глобализации: «виртуально каждое национальное общество участвует в науке» [15, р. 204]. Хотя, разумеется, этого ничего не говорит о науке как таковой, а лишь о том, что государства имеют какие-то свои интересы. По второму критерию исследователь отмечает низкий уровень: производство знания все еще строго концентрировано. Это подтверждает и приведенное выше исследование группы Лейсдорфа [16]. Хотя в элиту «невидимого колледжа» и могут входить представители разных университетов или центров из разных стран и материков, все же у ученых из Конго или Молдавии довольно мало шансов попасть в этот «колледж», ровно как и очень многим западным ученым, университеты которых не могут обеспечить их необходимой технической базой. Зато диффузия (распространение) знания обширна: примером этому служит статистика запросов в базы данных от разных стран, переводы научной информации в онлайн-библиотеки и подключение в научную цифровую сеть большое количество институтов и центров. А вот социальные связи между учеными сегодня менее выражены, чем того требует определение глобализации по Скотту. Они существенно отстают от академических, т.е. профессиональных контактов: неформальный обмен, сотрудничество и другие формы коммуникации отстают. Можно предположить, что «предметная» солидарность в науке опережает социальную.

Вопрос о солидарности между учеными представляет особый интерес для социологии науки. Если рассматривать фазы развития науки, то разведение этих двух видов солидарности – научной и социальной – особенно четко видно в годы «холодной войны». На примере истории социологии можно проследить судьбу научного интернационализма в то время. «Хотя развитие социологической традиции в этот период характеризовалось противостоянием либерально-модернизационного и марксистского кур-

сов, – пишет И.Ф. Девятко, – этот антагонизм больше напоминал тесный симбиоз: противники отвечали на одни и те же вопросы, остро реагировали на конкурирующие теоретические объяснения и стремились распространять свои выводы на всю международную систему государств» [2, с. 36]. Скотт называет предельной целью глобализации именно это: создание научного сообщества как совокупности «куновских научных сообществ» [15, р. 205]. По мнению автора, Скотта, механизмом процесса глобализации науки является созданный глобальный режим научных политик (science policy), т.е. пятый критериев глобализации.

4. Агент глобализации науки в России

Идея о том, что укрепляющееся международное сотрудничество является основой глобализации в науке – вопрос уже эмпирический. Сотрудничество имеет два уровня – уровень контактов между организациями и контактов между индивидами. Для объяснения процессов, происходящих в современной науке, оба уровня представляют разные значения, и, как будет показано далее, они не сводимы один к другому.

Организационный уровень международного научного сотрудничества имеет вполне отличные показатели, если считать, что чем больше совместно выполняемых проектов, договоров о сотрудничестве и совместно учреждаемых третьих организаций, тем выше уровень глобализации науки.

Все было бы именно так, если бы только исходное предположение о происхождении ценностей не было бы таким далеким от правды: как предполагает «аргумент от статистики» – сейчас мы имеем национальную идентификацию научных работников, а по мере интернационализации систем управления наукой, по мере института науки и роста числа обменов укрупнения, ценности с институционального уровня перейдут на индивидуальный, и ученые и преподаватели станут агентами глобализации. Посмотрим внимательнее на тех, кто ближе всего к такому состоянию на сегодняшний момент.

На уровне индивида² только у 5,2% преподавателей российских вузов имеют постоянные международные контакты [1, с. 80], у 21, 4% контакты эпизодические, а у большинства – 73,4%

²Опрос был проведен Центром социологических исследований Федерального агентства по образованию в мае 2005 г. В репрезентативную выборку попало 2400 преподавателей из 113 государственных и муниципальных вузов России в 23 городах страны.

– международные контакты отсутствуют. При этом при сопоставлении данных за 2000 и 2005 гг., процент имеющих международные контакты даже немного сократился. Среди этих 5,2% больше всего преподавателей с гуманитарных факультетов (9,4%), далее следуют экономический (7,1%), сельскохозяйственный (6,9%) и педагогический (6,8%). Большинство из них – заведующие кафедрой (14,5%) с докторской степенью (13,3%). Как и ожидалось, из приведенных данных следует, что выезжали неоднократно за рубеж преподаватели, принадлежащие возрастной группе от 51 до 65 лет (16,3%). А лидером по направлениям международного научного сотрудничества является Германия, с которой поддерживается больше всего (7,9%) контактов преподавателями российских вузов.

Итак, типичным агентом глобализации от науки является заведующий кафедрой гуманитарного профиля в возрасте от 51 до 65 лет, лидирующий по количеству международных связей, большинство из которых основано на чтении лекций и научных стажировках в Германии. Это, во-первых, ничем не отличается от ситуации в предыдущие периоды развития советской науки; во-вторых, было бы неправильно считать эту форму активности как признаком, так и причиной глобализационных процессов в науке, поскольку главный признак социологического понимания глобализации здесь не выполняется: преодоление национальных границ не превращается в условность.

Исследование Л.Г. Зубовой, в котором был построен рейтинг трудовых ценностей ученых [3], дает представление о месте «глобализационных» мотивов в структуре установок. Международные контакты попали почти на самое последнее место (11%), существенно отстав от «интересной работы», «хорошего заработка» и «хорошего окружения на работе». А ведь международная ориентация и раньше являлась, и теперь является особенно значимой детерминантой прогресса научных организаций, исследовательских коллективов и ученых как индивидов.

5. Глобализация и общественное восприятие науки: вовлеченность публики

Есть основания считать, что мы живем в период небывалого триумфа и расцвета науки как социального института. И люди так думают³. Они в большой степени доверяют науке, ценят академическую профессию и желают своим детям такую долю.

³ Исследования ФОМ 2010 г., данные о доверии за 2002 и 2006 годы в ScIndic.

Дело здесь скорее не в том, что мы имеем колоссальные научные достижения за последние годы – это было бы сложно сравнить с другими эпохами, а в том, что наука оказалась хорошо встроена в повседневность современной жизни. Отдельные достижения науки – в молекулярной биологии и генетике, компьютерных и информационных науках, в освоении космоса стали восприниматься как успехи, очевидные для многих за пределами науки. Эта одна из самых удачных эпох для развития науки в то же время становится эпохой смены общественных установок.

Существует довольно массовое согласие с тем, что наука делает огромный вклад в развитие общества. «Американцы имеют более позитивные установки в отношении полезности науки и технологий, чем европейцы, россияне или японцы. По последним исследованиям 84% американцев, 52% европейцев и 40% японцев согласны, что польза от научных исследований превосходит любые их негативные результаты», – утверждается в одном американском источнике [12, 7-4, р. 359]. Хотя вечные оппоненты науки никуда не ушли, но они (церковь, магия, мифология, идеологии) не могут похвастаться такими социальными позициями, которые занимает наука, или система когнитивной рациональности, по Парсонсу.

При этом люди все также не умеют различать науку и не-науку. На волне массовой вовлеченности в дела науки новый импульс получают публичные дискуссии о креационизме, витализме, биоэнергетике (эниологии), парапсихологии и идеологической социальной науке. Видимость так называемых публичных процессов над наукой, когда журналисты и публика, по сути, должны решать вопрос об обоснованности, например, дарвинистской теории эволюции, с новой силой стягивает публику в зону научной компетенции, смешивает научную и политическую риторику.

Как было показано выше, внешнее макроокружение науки довольно благоприятно: уважением к ней входит в систему ценностей современных демократических режимов. Означает ли тогда, что стягивание публики во внутренние дела науки есть движение к какой-то версии «демократической науки»? Есть менее оптимистическое мнение, и оно связано с тем, что глобализация касается науки не на институциональном – изнутри (как изменение ценностей ученых), и не на организационном уровне снаружи (как изменение в социальной организации общества), а на уровне изменения установок аудитории науки.

Мы получаем не общественное восприятие науки, а общественное участие в науке. И ученые теперь не просто ликвидируют безграмотность, а ищут диалог с обществом, т.е. ликвидируют

безграмотность постоянно и с двойными усилиями. И все это есть последствия разгерметизации эпистемологического пространства науки – последствия влияния релятивизации науки, демистификации науки, частичной дискредитации автономии научных лабораторий. То есть в какой-то степени все это является результатом внутринаучных дискуссий о методе, о целях познания, о ценностной нейтральности и других внутринаучных дискуссий, которые казались специальными и узкопрофессиональными, но в эпоху массового производства научного знания и его же массового потребления оказали институту науки «медвежью услугу».словно в троянский конь, в институт науки пробрались наблюдатели без компетенции, обосновывающие свое пребывание политически ангажированной философией. После этого у защитников крепости осталось меньше оснований защищать «интернациональный, безличный, фактически анонимный характер науки» [4, с. 773]. «Наша дискуссия исходит из того убеждения, – пишут Вулгар и Латур в знаменитой монографии «Жизнь лаборатории», – что тело практик, повсеместно рассматриваемое аутсайдерами как хорошо организованное, логическое и согласованное, на самом деле состоит из беспорядочной кучи наблюдений, с которой ученые борются, создавая порядок...» [11, р. 36].

При усилении внимания общества к науке наука как институт оказалась не готова к этому, т.е. в худшем внутреннем положении, чем когда-либо в истории своего метода. Оценивая влияние общественного восприятия науки на ее внутренние процессы, следует вспомнить о метафоре Прайса.

- little science – это наука одиночек, наука с XVII по начало XX в. Наиболее близкая есть аналогия из политической науки – демократический режим правления;
- big science – наука XX в., больших проектов и государственных задач. По аналогии с авторитарным режимом можно описать ее закрытость, избранность и пассивное неучастие в ней людей с улицы;
- то, чего не было у Прайса, это предположение о том, что global science – это и есть глобальная наука, только глобальная не в рамках существующего столетия института, а рамках всей социальной системы. Глобальная – в смысле объединяющая через универсальное научное знание людей не из науки по всему земному шару. Аналогия для нее – тоталитарный режим, при котором никто не может быть в стороне, и даже если не понимает до конца, то очень хочет выступить.

Таким образом, наука, вероятно, имеет дело с внешним глобализационным воздействием на микроуровне. Если в прошлом

науку оценивали на основании соотношения полезности и рисков, то ныне существуют моральное и политическое измерение – попытка не санкционированных институтом индивидов регулировать ценности научного предприятия.

Такое понятие «глобальной науки» приводит к выводу, что институт науки индуцирует глобализацию, предоставляя индивиду наглядный паттерн универсального поведения, когда «свободный доступ к научным занятиям является функциональным императивом» [4, с. 775].

Литература

1. *Арефьев А.Л.* Деятельность иностранных фондов и организаций в области образования и науки в России: Социологический анализ. М., 2006.
2. *Девятко И.Ф.* Модернизация, глобализация и институциональный изоморфизм: к социологической теории глобального общества // Глобализация и постсоветское общество. М., 2001. С. 8–38.
3. *Зубова Л.Г.* Социологический портрет российского ученого // Российские реформы: социальные аспекты. М., 1998. С. 110–115.
4. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
5. *Мицек С.* Следует ли России опасаться глобализации? // Вопросы экономики. 2002. № 8.
6. Пресс-релиз Посольства Белоруссии в Москве (<http://www.embassybel.ru/press/soft/2007/11/05/14966/>).
7. Стратегия будущего. Выступление Президента А.Г. Лукашенко на Первом съезде ученых (<http://www.sb.by/article.php?articleID=61906>).
8. Constructing Knowledge Societies: New Challenges for Tertiary Education, © 2002 The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank.
9. *Drori G., Meyer J.W., Ramirez F.O., Schofer E.* Science in the Modern World Polity: Institutionalization and Globalization. Stanford., 2003.
10. *Horrocks S.* The Internationalization of Science in a commercial context: research and development by overseas multinationals in Britain before the mid-1970s // British Journal of the History of Science 40(2). 2007. June. Vol. 40, N 2. P. 227–250.
11. Latour, Bruno & Woolgar, Steve Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Beverly Hills, 1979.
12. National Science Board. 2006. Science and Engineering Indicators 2006. Two volumes. Arlington, VA: National Science Foundation (Vol. 1, NSB 06-01; Vol. 2, NSB 06-01A) (<http://www.nsf.gov/statistics/seind06/pdfstart.htm>).
13. Price Derek J. de Solla Little Science, Big Science ... and Beyond. N.Y., 1986.
14. *Scheurman W.* Globalization, The Stanford Encyclopedia of Philosophy (substantive revision Jun 16, 2006) / Edward N. Zalta (ed.). URL (<http://plato.stanford.edu/entries/globalization/>).
15. *Schott T.* World Science: Globalisation of Institutions and Participation // Science, Technology & Human Values. Vol. 18, N 2 (Spring, 1993), p. 196–208.
16. *Wagner C., Leydesdorff L.* Globalisation in the network of science in 2005: The diffusion of international collaboration and the formation of a core group (<http://users.fmg.uva.nl/lleydesdorff/cswagner07/index.htm>).